

В. А. ЗВЕРЕВ

ТРАДИЦИОННЫЙ АГРОНОМИЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Традиционный агрономический опыт русских крестьян Сибири эпохи капитализма // Участие крестьянства в освоении Восточных окраин России (конец XVII – начало XX вв.): межвузовский сборник научных трудов / ред. кол. Е. И. Соловьева, Л. И. Дремова, В. А. Зверев, И. В. Островский.– Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1990. – С. 53–70.

Хорошо известно, что многие достижения современной агрономии и агротехники связаны с использованием и творческой переработкой многовекового народного опыта. В течение многих десятилетий, например, занимается в Курганской области опытнической деятельностью, используя новейший методологический, агрономический и агротехнический инструментарий в сочетании с опытом своих предков — земледельцев Зауралья, агроном Т. С. Мальцев. Его работа получила очень высокую оценку ученых и практиков, активно внедряются в сельскохозяйственное производство многие его идеи¹. Актуален призыв почетного академика ВАСХНИЛ Т. С. Мальцева: «Многому еще можно поучиться у старых земледельцев, и все, что для данных условий ценно, не гнушаясь, следует широко использовать»². Однако традиционные агрономические знания и навыки крестьянства, в том числе и наиболее ценные их стороны, изучены пока недостаточно, что затрудняет их практическое использование.

В настоящей статье сделана попытка вычленения некоторых достижений, характерных для народного агрономического опыта преимущественно в лесостепных местностях Сибири — районах наиболее развитого в эпоху капитализма на востоке России земледелия. Анализируются результаты познавательной активности крестьян — их знания и представления о важнейших элементах природной среды, вовлеченных в оборот в качестве условий и ресурсов хозяйственной деятельности, а также способы использования этих результатов в практике хозяйствования.

Уже в досоветской литературе демократического направления высоко оценивался уровень специальных знаний и навыков сибирских крестьян, которые были «по своему геологи, ботаники и агрономы»³. В качестве геологов и географов они хорошо изучили рельеф своего края. Даже в однообразной, на первый взгляд, совсем плоской Барабинской степи они

¹ См.: Каштанов А. Н., Шатилов И. С, Милащенко Н. З. Читая труды Т. С. Мальцева // Правда. 1984. 28 мая.

² Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. С. 42.

³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1893.

различали множество видов возвышенностей (увалы, гривы, релки, острова, елани) и низменных мест (межгривья, займища, пади)⁴. В гористом Забайкалье для обозначения пологих склонов гор с разными качествами применяли слова «релка», «забока», «елань». Южные, обычно безлесные склоны, именовали солнопеками, северные, лесистые — сиверами⁵. При этом крестьяне хорошо понимали связь местоположения участка относительно рельефа местности, с его почвами, режимом температуры и влажности воздуха, орографией.

В Забайкалье, по словам местных крестьян, по солнопекам обычно располагалась песчано-каменистая почва, по сиверам - суглинистая с камнями, по падам — суземистая⁶. В Ишимском округе Тобольской губернии, по их данным, песчано-черноземные серые супесчаные почвы располагались только на гривах, увалах и «островах», т. е. на возвышенных местах, имеющих вытянутую форму, и по их склонам. Здесь же встречалась изредка и перегнойная почва. На совершенно ровных же местах преобладала в северной части округа «беличная», в южной — мелкая перегнойная с солонцевато-глинистой подпочвой. Глубокие перегнойные почвы располагались по всей территории округа в самых низких местах, откуда вода не имела достаточного стока⁷.

В большинстве местностей Сибири крестьяне считали правилом, что выпадение иней (заморозков) в начале и конце летнего сезона на возвышенных песчаных пашнях всегда гораздо менее вероятно, чем на соседних низких перегнойных или глинистых участках. Поэтому на «островах» был возможен более ранний посев, здесь хлеба созревали быстрее. Однако учитывалось местоположение возвышенности и направление ее склонов. «Острова», расположенные между озерами и подходившие концами или боками непосредственно к их берегам, считались лучшими для пашни, чем возвышенности, расположенные между болотами. Если «остров» одним концом прилегал к озеру, а другим к болоту или переходил в степь, то пашни на первом, по убеждению крестьян, были всегда лучше, чем на втором. На склонах, обращенных к озерам, пашни легче всего переносят как заморозки, так и засуху. Крестьяне Ишимского округа объясняли это тем, что на возвышенных местах иней с хлеба обдувается ветром, а также существованием некоего «легкого духа», «отпоти», поднимающейся от поверхности озер⁸.

Орографическому режиму, земельного участка придавалось, таким образом, очень важное

вып. 19. С. 62

⁴ Там же. 1892. вып. 17. с. 106—107.

⁵ Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. СПб., 1898. вып. 12. с. 2, 46, 74. (Далее: Материалы комиссии Куломзина).

⁶ Там же. с. 74.

⁷ См.: Материалы для изучения... 1889. вып. 3. с. 78.

⁸ Там же. с. 69—73.

значение. В Забайкальской области крестьяне признавали за крупными реками благотворное влияние на посевы хлебов. Они установили, что такие реки оказывают умеряющее воздействие на быстрые перепады температур, «берегут хлеб от морозов». Ранние заморозки и иней вблизи больших рек, по их наблюдениям, случались реже и бывали не так вредны, как вдали от них. По берегам рек располагались и участки, наименее страдавшие от «ржи» на хлебах, от засухи. Однако возле ручьев, малых речек хлеба, по отзывам крестьян, страдали от морозов в сильной степени, так как эти источники, имеющие горный характер, несут очень холодную воду, сильно понижающую температуру воздуха. Мешали хлебопашеству в Селенгинском округе и ветры, дующие с холодного Байкала⁹.

Досконально изучили сибиряки дождевой режим своей местности и его влияние на земледельческое хозяйство. В северо-западной Барабе, по наблюдениям крестьян, для хорошего урожая пшеницы нужно было три дождя за лето: в начале июня (около 10 числа по старому стилю), когда пшеница «станет собираться в трубку», около Петрова дня (29 июня), когда она начнет цвести, и около Казанской (8 июля), когда станет наливаться. Очень полезными считались и майские дожди, падающие во время восхода пшеницы¹⁰. Жители Ишимского округа твердо знали, что засуха особенно опасна в течение двух недель после восхода хлебов. Затем, когда посевы «возьмут силу», количество выпадающих осадков для них почти безразлично, «хотя полезно, чтобы во время налива хлебов выпал один или два дождя». Дожди в период Петрова дня здесь были нежелательны, так как они вызывали дополнительные всходы, не успевавшие вызреть до жатвы¹¹.

Сибиряки хорошо знали растительный мир своего края. Им была ясной связь между состоянием этого мира, взятого в единстве с другими природными факторами, и перспективами земледельческой деятельности человека. Скажем, появление на обрабатываемом участке, несмотря на усиленное его «гойство» (очистку), слишком большого количества некоторых сорных трав знаменовало для них в местностях с залежной и залежно-паровой системой земледелия необходимость забрасывания этого участка в залежь¹². Потом тщательно следили за ростом трав на пустошах и по появлению тех или иных могли определить на любом участке как длительность отдыха пашни после последней обработки, так и число лет, оставшихся до полного «отдыха земли от работы». Для крестьян северо-западной Барабы верным признаком пригодности лесной черноземной почвы для новой распашки служило появление на ней травы «ветренника» (обычно на десятый год отдыха). На степном же черноземе действовало правило: «Коли по залежи пошел ягодник,

⁹ См.: Материалы комиссии Куломзина. вып. 11 С. 31, 52, 64, 74.

¹⁰ См.: Материалы для изучения... вып. 17. С. 180.

¹¹ Там же. вып. 3. с. 211,6—217.

¹² Там же. 1893. вып. 20. с. 104.

пора пахать залежь». Но появление «ягодника» (клубники) и того же «ветренника» примерно на десятый год знаменовало на степных черноземах лишь минимально необходимые сроки залежи. Только с появлением «морковника», который впервые «прокидывался» на участке лет через 25, залежь приближалась к «природному залoгу», а изобилие «морковника», наблюдавшееся только через 40—80 лет, означало полный отдых земли¹³. В Забайкалье одним из признаков полного отдыха почвы служило появление на участке белой полыни (в степи — на 5—6-й год, на лесной почве — не ранее, чем на 10—12-й год залежи)¹⁴. Определенный характер растительности на участке повсеместно считался хорошим указанием для высева на нем определенных культур или их сортов¹⁵.

Почти повсюду в земледельческих районах Сибири близость леса считалась фактором, благоприятствующим хорошему урожаю на пашне. Крестьяне знали, что вблизи от леса колебания температур менее резки, и это может предохранить посевы от заморозков и засух. Большая часть сельчан понимала, что леса способствуют сохранению влаги в почве и что они предохраняют гумусный слой от выдувания ветрами. Правда, в некоторых горнотаежных местностях Восточной Сибири близость пахотных угодий к тайге считалась нежелательной, потому что тайга здесь сильно задерживала таяние снегов и тем самым способствовала вымерзанию хлебов на прилегающих пашнях. Зерно не успевало вызреть до осенних «утренников» (утренних заморозков и инея)¹⁶.

Пожалуй, наиболее обстоятельные и ценные знания накопили крестьяне о почвенных условиях своего земледельческого хозяйства. Авторы различных обследований и описаний крестьянского хозяйства в Сибири, (будучи знакомыми с основами научного почвоведения, оставили нам едва ли не восторженные оценки уровня познания о почве отдельных хозяйев-крестьян — познаний, накопленных долгим опытом и постоянным общением этих хозяев со своей землей)¹⁷. Эти авторы (С. Е. Филимонов, Н. Е. Петропавловский, Н. Бутович и др.) очень широко применяли сведения, слученные от крестьян, для характеристики почвенных условий конкретных местностей¹⁸. Правда, в ряде случаев они считали необходимым выразить сомнение в правильности некоторых представлений крестьян о почвах, а иногда пытались уточнить их на основе собственных осмотров местности. В большинстве же случаев оказывалось возможным просто перевести народные представления на язык, принятый в научном почвоведении. С. Е. Филимонов отмечал: «Хотя терминология народная

¹³ Там же. вып. 17. с. 163—166.

¹⁴ См.: Материалы комиссии Куломзина. вып. 11, С. 79.

¹⁵ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 5; Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1905. Т. 2. С. 300, 306.

¹⁶ См.: Материалы для изучения... вып. 3. с. 216—217; Материалы комиссии Куломзина. вып. 11 с. 20, 3,1, 44, 52, 64.

¹⁷ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 93.

¹⁸ Там же С. 93—96; Вып. 3. С. 55, 71; Петропавловский Я. Е. По Ишиму и Тоболу: Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири//Записки ЗСОРГО. Омск, 1886. Кн. 8» Вып. 1, С. 8—9; и др.

подчас сбивчива даже неопределенна, но, тем не менее в целом она представляет все-таки нечто выработанное и прочно сложившееся, а потому не только не противоречит научной классификации почв, но идет ей, если можно так выразиться, навстречу, служа важным подспорьем, даже ценным указанием при местных почвенных исследованиях»¹⁹.

Тот же С. Е. Филимонов отметил фактическое совпадение богатой типологии почв, принятой в народном почвоведении, и в почвоведении научном, которое тогда проходило процесс своего становления²⁰. Наука того времени в основу типологии положила способ происхождения этих почв (влияние на их образование различных растений), а «народная агрология» — местоположение почв относительно рельефа местности (на юге Тобольской губернии выделялись, например, почвы островные, подостровные и подморные, в северо-западной Барабе — гривные, подгривные и низинные). Но если принять во внимание, что различные виды растений связаны с определенными участками рельефа, то станет ясным, что ученые и крестьяне по-разному называли в сущности одни и те же, независимо друг от друга выделенные типы почв. Н. Бутович считал особенностью по существу верных представлений крестьян о почвах Забайкалья «практический характер» этих представлений, а также их некоторую разноречивость²¹. При определении «доброты» почвы (ее типа, качества, пригодности для выращивания той или иной культуры и т. п.) крестьяне Сибири учитывали очень много признаков: цвет, толщину и площадь почвенного слоя, его механическую структуру, состояние при различной погоде, степень влажности, состояние и соотношение видов растительности, положение участка относительно солнца, рельефа местности, водных резервуаров, леса, а также урожайность разных культур при пробных посевах, качества подпочвы и т. д.²².

Обращает на себя внимание довольно высокая степень осознания крестьянами того факта, что различные компоненты природной среды взаимодействуют с их хозяйством не сами по себе только в определенной взаимосвязи, в комплексе друг с другом. Некоторые наблюдатели крестьянской жизни недооценивали этот факт. Так, П. И. Соколов, обследовавший в конце 80-х гг. XIX в. юго-восточную часть Мариинского округа Томской губернии, после того, как не смог обнаружить четкой зависимости между типом почвы на том или ином участке и сортом хлебов, высеваемым здесь, скоропалительно объяснил это агрономическим нерадением, небрежностью крестьян, которые якобы «руководятся полным произволом» в выборе участка для посева, и в этот произвол редко входит хотя бы частица

¹⁹ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 93—94.

²⁰ Там же. С. 96.

²¹ См.: Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 2, 34—35.

²² См.: Материалы для изучения... 1888. Вып. 1. С. 110; 1889. Вып. 4. С. 7; Патканов С. К., Зобнин Ф. К. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах // Живая старина. 1899. Вып. 4. С. 488, 497; и др.

рациональности»²³. Однако это неверно. Все дело в том, что при выборе участков под посев крестьяне учитывали не только качества почвы, но и множество других факторов. Они знали, что богатые сами по себе земли нередко оказываются менее плодородными в отношении известной культуры, нежели более бедные почвы, в силу значительной зависимости урожая от варьирующихся по отдельным местностям метеорологических условий, находящихся в свою очередь в связи с рельефом и местоположением пашни. Значение этих факторов урожайности является иногда более существенным, нежели и качество почвы.

Деревенскими жителями Сибири были выработаны некоторые рекомендации относительно набора культур и порядка их чередования, сроков тех или иных земледельческих работ применительно к каждому из прекрасно изученных микроучастков, входивших в обрабатываемый фонд общины. Эти рекомендации были рассчитаны на обычные, «нормальные» погодные условия. Однако учитывался и факт подвижности, сильной неустойчивости природных условий Сибири. Рекомендации обычно допускали и известную вариативность, учитывающую как текущие природные прогнозы, так и возможность внезапных метеорологических сюрпризов.

Природные прогнозы основывались на тщательных, длившийся в течение многих лет наблюдениях за внешним видом и поведением животных, насекомых, рыб и птиц, состоянием растительного мира, а также других компонентов географической среды. Такое наблюдение, результаты которого накапливались десятилетиями и веками, передаваясь от поколения к поколению, зафиксировало реально существующие устойчивые экологические связи как территориального, так и хронологического порядка. Яркий пример такого рода: крестьяне во многих местах Сибири справедливо предсказывали хороший урожай хлеба, если зимой выпадало много снега. Такое же значение, как и снегу, придавалось частому и обильному образованию зимой инея («куржак», «кухта») на деревьях²⁴.

Исследователь А. С. Ермолов приводит и некоторые другие, как нам представляется, правильные приметы погоды, бытовавшие среди крестьян Сибири: «Если весною долго не линяют зайцы — долго будет холод»; «Коли ранняя белка голубая (т. е. серая. — В.З.) — ранняя весна будет»; «Куры пурхаются (купаются песке. — В.З.) — к бурану, а носом колотят часто — к морозу»; «Если в хорошую погоду скотина утуляется под крышу, то скоро будет перемена погоды: летом — дождь, зимою — снег»; «Если после дождя становится тепло и земля испускает из себя пары, а мелкий дождь с солнышком кропит, то будет ненастье» и др.²⁵ В конкретной местности — в Ордынском районе Новосибирской

²³ Материалы для изучения... Вып. 19. С. 30.

²⁴ См.: Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость... Т. 2. С. 349, 352—353; Восточное обозрение. 1882.-16 декабря.

²⁵ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость... Т. 4. С. 37, 65—66, 146, 388 и др.

области — записали фольклористы рассказ старожил. «Раньше - то агрономов не было, а начальство не распоряжалось. Все по старикам смотрели. Они говаривали: сеешь до Егорьева дня — имей двойные семена. Нет, до Егория ни скотину в поле не выгоняли, ни пшеницу не сеяли. Заморозки убьют. Да и земля холодная — лежит зерно, плесневеет. По березам тоже судили: почки полопались — начинай сеять, лист вырос — кончай: лист березовый в пятак, что сей, что бросай семена так. Не успеет, значит, пшеничка до заморозков вызреть, побьет ее <...> Да еще была присказулька: «Сеять после Миколы — не видать семян николи (никогда. — В.З.)». Оно точно. На лошадях оно того, глубоко не вспашешь, а без хлеба не сидели. Нет. Это еще мальчонкой слушаешь и на ус мотаешь: «Лягушка квачет — сей овес», «Сей ячмень, пока цветет калина», «Горлица заворковала — сей коноплю», «Кукушка кукует — сей лен», «Скворцы из гнезда, пора сеять гречу». Так и делали»²⁶. Интересно, что для этой зоны оптимальными с точки зрения научной агрономии впоследствии были признаны следующие сроки сева пшеницы: конец первой декады мая — начало третьей, что как раз соответствует периоду от Егорова дня (6 мая по новому стилю) до Миколы вешнего (22 мая)²⁷.

Наряду с такими наблюдениями, имеющими непреходящую ценность, в деревнях бытовали многочисленные приметы, правильность которых была весьма относительной, что часто признавали и сами крестьяне. Эти приметы были связаны с такими чертами местного климата и биогеоценозов, закономерности проявления которых было трудно уловить простым наблюдением. Обманчивость некоторых выводов народной агрономии зафиксирован в поговорках: «Год на год не приходится», «Нет такого подрядчика, чтобы к сроку весну выставлял», «Календарным теплом не угреешься» и др. Здесь как раз и содержалась возможность и необходимость проявления познавательной активности (включая элементы интуиции) со стороны каждого работника на земле, заинтересованного в получении полноценного урожая.

Наконец, в представлениях большинства крестьян бытовали и явные предрассудки, которые были отражением вненаучных, в том числе религиозных представлений различного уровня. Крестьянское общественное сознание было придавлено уродливым социально-экономическими, политико-правовыми и культурными условиями жизни, и даже научные его элементы имели в большинстве случаев относительно низкий, сугубо эмпирический характер. Так, жители Енисейской губернии старались начинать посев хлебов непременно в понедельник или вторник. Прислушивались к первому сильному грому весной в уверенности, что если он гремит на востоке, то «будут хлеба ядреные и густые», на юге —

²⁶ Мельников М. Н. Поиски сокровищ: Записки фольклориста. Новосибирск, 1985. С. 31—32.

²⁷ Там же. С. 32.

урожай будет средний, на западе — к неурожаю²⁸. Т. С. Мальцев вспоминает, что его отец «примечал погоду и, когда, бывало, зимой покроются пушистой изморозью деревья, долго считал, шевеля губами, в какой день лета ждать дождя или ведра»²⁹. Можно было бы назвать много других примеров «мнимого знания», суеверий в представлениях сибирских крестьян географической среде, однако абсолютизировать их нельзя.

Каким образом крестьяне применяли в своей повседневной хозяйственной деятельности охарактеризованные выше реальные и мнимые знания природной среды, которыми они обладали? Каковы были результаты такого применения?

Прежде всего, отметим стремление и способность правильно выбрать места поселения и расположить хозяйственные угодья применяясь к местным условиям. Селения располагались обычно вдоль речных берегов. Самыми ценными для хлебопашества степных и лесостепных районах Западной Сибири считали вершины и верхние части склонов невысоких увалов, идущих вдоль берегов рек и озер с запада на восток и покрытых на гребнях березовым лесом. Преимущества этих мест объясняли так: «Во время засухи посевы... питаются влагой из озер.. От холодных ветров (дождей севера... посевы также защищены (лесами на увалах. - В. З.). Летний иней не в силах им повредить так, как он вредит хлебам, расположенным по ровным низменностям. Есть также сток для излишков воды во время сильных дождей»³⁰. На востоке Сибири земледелец также считался «с массою разнообразных «подчас мельчайших обстоятельств, знание которых подсказывает ему многолетний опыт и близкое знакомство с естественными условиями своей местности»³¹. Повсеместно признавались непригодными для пашни участки низинные (даже с очень хорошей почвой), расположенные на склонах, обращенных к сильным холодным ветрам, плохо орошаемые и т. д. Это была одна из важнейших причин многочисленных жалоб на нехватку пашенной земли, исходивших от крестьян ряда местностей Сибири с их, казалось бы, большим фондом доступных для распашки земель.

Крестьяне учитывали непостоянство климата Сибири и всегда наряду с площадями, дававшими неплохие урожаи в обычные средние) годы, засевали некоторое количество земель, на которых относительно лучший урожай вызревал в экстремальных погодных условиях: «Может, бог даст». В Минусинском уезде Енисейской губернии, например, и в некоторых местностях Западной Сибири зафиксировано такое обыкновение сеять хлеба «в разных местах»³². Вершины и южные склоны невысоких холмов давали более постоянный урожай и поэтому считались основным земельным фондом, но в особо засушливые и

²⁸ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость... Т. 2. С. 495; Т. 4. С. 185.

²⁹ Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. С. 285.

³⁰ Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу, С. 12—13.

³¹ Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 133.

ветренные годы лучшие хлеба крестьяне получали в низменном и потому более влажном месте, на северном, защищенном от солнца склоне. При определении размеров посева здесь учитывались как экономические возможности хозяйства, так и долгосрочные погодные прогнозы. Засевали и участки с разными почвами, поскольку различали почвы, лучше выносящие засуху, устойчивые к избытку влаги и др.

Природные условия и, в частности, свойства почвы постоянно учитывались при определении тех агротехнических приемов, которые применялись в земледелии. В 1911 г. выборочный опрос крестьян Алтайского горного округа показал, что в зависимости от того, сеялись пшеница или овес на жнивье, пустоши, парах или залеге, вспашка и боронование одной десятины пашни за один день требовали, ввиду различий в агротехнике, от 7 до 19 лошадей, от 1 до 4 взрослых мужчин и от 1 до 3 подростков. По разному выглядело количество работников, занятых на летних и осенне-зимних работах, включая машинную жатву и молотьбу, в зависимости от типов почвы. Наибольшие затраты труда требовались на черноземных почвах с высоким содержанием гумуса, наименьшие на каштановых и скелетных почвах³³. Разница в затратах труда складывалась за счет различий в системах полеводческого хозяйства, в количестве и интенсивности проведения тех или иных операций, в урожайности хлебов. При этом играли роль не только почвенные, но и климатические условия данного участка, конкретного календарного года. Приведем примеры.

В конце XIX в. при значительном распространении залежной системы полеводства в Барабе на самых лучших мягких почвах практиковалось беззалежное хозяйство с чередованием посева и пара³⁴. В Забайкалье в ряде местностей темноцветные суглинистые и супесчаные пашни при двухрядной паровой обработке тоже служили людям почти без «отдыха». Пару крестьяне придавали здесь исключительно важную роль, занимая под него местами до половины площади запашки. Они понимали, что пары способствуют накоплению влаги в почве, ускоряют разрушение горных пород, а это очень важно в местности с обилием горных пашен, подверженных частым засухам. На участках плодородных и хорошо снабжаемых водой забайкальцы прибегали к парению земли реже и в меньших масштабах³⁵.

В зависимости от качества почвы регулировались способ и глубина заделки семян при посеве. В Западном Забайкалье, например, на старых, крайне рыхлых пашнях семена заделывались в землю обычно сохой на глубину до 2,5 вершков главным образом с целью предохранения зерна от выдувания ветром и вредных последствий засухи. На «крепких» же

³² МКМ, оп. 3, д. 120, л. 38; оп. 4, д. 181, л. 9; Материалы для изучения... вып. 3. С. 76, 81; Сибирь. 1884. 23 декабря.

³³ Подсчитано по: Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей: Отд. 2. Сельское хозяйство в Алтайском округе. СПб., 1916. С. 225—239.

³⁴ См.; Материалы для изучения... Вып. 17. С. 169.

полях сеяли чаще под борону и на глубину до 1,5 вершков, имея в виду, что такие почвы удовлетворительно держат влагу и на этой глубине, меньше зарастают сорными травами³⁶. В Ишимском округе указанные два способа посева по жниву применяли при сходных условиях. Под борону («на соху») сеяли при дождливой весне и когда не ожидали летней засухи. Мелко лежащее зерно хорошо кустилось. «Под соху» сеяли при очень сухой весне и в ожидании летней засухи. На жниво разбрасывали семена, затем запахивали и заборанивали их. Прикрытое глубоким слоем земли зерно меньше страдало от засухи и выдувания³⁷.

Во многих местностях Сибири особенности здешних почв подсказали крестьянам такой прием удлинения сроков их эксплуатации: новину и старозалежные земли «вздирали» сначала на минимальную глубину в 1,5—2 вершка, а затем год от года глубину вспашки последовательно увеличивали, вводя в культуру все новые слои почвы. Вообще глубина вспашки зависела от свойств почвы. В Ишимском округе глубже всего пахали песчано-черноземные и особенно перегнойные почвы, как вследствие значительной глубины пахотного слоя, так и из-за легкости его обработки. Мельче же всего — иловато-глинистые «белики» и степные солонцеватые пашни (при большей глубине вспашки соха захватывала бы неплодородную подпочву), а также «островные» серые почвы (сильная их связность затрудняла продвижение глубоко посаженной сохи)³⁸. Большая или меньшая интенсивность боронования зависела в каждом конкретном случае от крепости почвы на участке, степени его засоренности травами, состояния погоды. В Забайкалье в засуху поле проборанивалось значительно тщательнее, чем в сырую погоду, в очень «смочный» год вовсе избегали бороновать поле³⁹.

В сибирской деревне по-разному использовались земельные участки с различными условиями. Определяя, какие земли засеять, какие оставить под пар или в залежь, где лучше не пахать, а косить сено или устроить выгон, крестьяне взвешивали очень тщательно данные о природных свойствах этих участков. Так, в зависимости от количества осадков, выпадающих летом, и погоды во время сенокоса крестьяне Забайкалья в разные годы охотнее косили сено или в низинах, или в степных местах по склонам гор⁴⁰. В Барабе никогда не запахивались под культуру хлебов низинные места с болотными черноземными и суглинистыми подзольными почвами. Но если низинный «белик» не использовался в хозяйстве вообще, то на болотном черноземе некоторые хозяева сеяли лен, в большинстве же случаев он отводился под сенокосные угодья, так как в «средние годы» на нем получали

³⁵ См.: Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 78, 81—82.

³⁶ Там же. С. 139—140.

³⁷ См.: Материалы для изучения... Вып. 3. С. 174—175.

³⁸ Там же. С. 169.

³⁹ См.: Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 136—137.

⁴⁰ Там же. Вып. 12. С. 4.

неплохие укосы трав. «Подсолонки» употребляли и под сенокосы и под посевы хлебов, но хлеба сеяли не всякие и в небольшом количестве, потому что урожаи здесь были небольшими при любых погодных условиях. Крестьяне заметили, что в «смочные» годы эта земля слишком размокает, в сухие — ссыхается, в нормальный же год хлеб «идет в дудку и перо»⁴¹.

Приспосабливаясь к природным условиям, крестьяне стремились регулировать набор культур и их сортность. Под пшеницу отводились всегда лучшие земли, обычно на возвышенных местах. Характерны формулировки мотивов, по которым в ряде местностей Западной Сибири овес сеяли преимущественно на мягких, выпаханных землях не два—три раза подряд, а только один раз: «Овес не умеет владеть молодой землей, — вот и владеет старой!»; «Земля, увидев один раз овес, семь лет дрожит»⁴². Крестьяне считали, что овес нетребователен к почвам, но сильно истощает их.

Весьма показательны данные о распространении в Сибири озимых хлебов. Известно, что еще в феодальный период природные условия Сибири потребовали от крестьян последовательного сокращения доли озимых в общем количестве высеваемых хлебов. Озимая рожь неуклонно вытеснялась яровой пшеницей как культурой более урожайной и приспособленной к условиям степной лесостепной полос региона⁴³. В эпоху капитализма эта тенденция продолжала развиваться. В процессе вырубки лесов поля в давно освоенных местностях делались более доступными вредному воздействию ветров и зимней стужи, поэтому озимь чаще, чем раньше, вымерзала. Пшеницей, как самой надежной и ценной продовольственной культурой, крестьяне заменяли озимую рожь на парах, в которых обе культуры нуждались в одинаковой степени. Сокращались посевы озимой ржи еще и в связи с тем, что вызревание этой культуры в Сибири совпадало по времени с разгаром сенокосной страды, «двоения» пара и других летних полевых работ, и на уборку озимых не хватало рабочих рук. К 1917 г. значение озимой ржи в Западной Сибири и Забайкальской области стало минимальным⁴⁴. Однако вовсе озимь с крестьянских полей не исчезала. Ее оставляли в небольших количествах на тот случай, когда специфически сложившиеся климатические условия года давали ей преимущества перед яровой пшеницей и другими культурами. В Южном Зауралье, например, в годы, когда первая половина лета бывала богаче осадками, чем вторая, озимая рожь могла дать неплохой урожай⁴⁵.

⁴¹ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 102—103, 124.

⁴² Там же. С. 190; Шадурский В. И. Из истории севооборота и систем земледелия Северного Зауралья (XVII—XX вв.) // Повышение продуктивности земли в Зауралье. Новосибирск, 1982. С. 100.

⁴³ См.: Пундани В. В. Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 75—76.

⁴⁴ См.: Островский И. В. К изучению зернового хозяйства Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Развитие производительных сил Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск, 1983. С. 156—157.

⁴⁵ См.: Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. С. 42.

Озимые шире были распространены в местностях притаежных и лесистых, где на полях зимой было много снега. В Минусинском округе крестьяне считали, что в таких местах озимь сеять не только можно, но и обязательно нужно: «Озимые посевы упорнее борются с подавляющею силой растительности сорных трав («озими землю чистят»), а яровые более подвержены засорению»⁴⁶. В Енисейской и Иркутской губерниях озимые сохраняли заметное значение и занимали к 1917 г. около четверти всей площади посевов⁴⁷.

В различных местностях Сибири путем многолетней селекционной работы крестьян были выведены и широко распространены приспособленные к местным почвенным и климатическим условиям сорта многих сельскохозяйственных культур. В Забайкалье, например, выращивалась «безукоризненная», по отзывам агрономов, яровая рожь местной селекции. Одобрительные отзывы специалистов заслуживали также «натура и качество забайкальской гречихи»⁴⁸.

Набор орудий труда, имевшихся у крестьян, также в значительной степени определялся агрономическими знаниями. В источниках имеются многочисленные указания на то, что прибывавшие из Европейской России переселенцы часто вынуждены были забрасывать принесенные с родины земледельческие орудия и приемы труда и перенимать то и другое у старожилов, придя к выводу, что «сибирцы хитрые, знают, что как делать надо»⁴⁹.

На «новых», поднимаемых во второй половине XIX в. из-под леса в Тюменском округе Тобольской губернии, даже при наличии более совершенных орудий землю пахали только сохой-рогалоухой: пахарь чувствовал каждый толчок орудия об оставшиеся в земле корни деревьев и перерубал их топором⁵⁰. В Восточном Забайкалье для поднятия нови уже с 60-х гг. XIX в. употребляли сабан или в тех немногих хозяйствах, где он имелся, плуг. Из-за большого количества целинных и старозалежных участков с плотными суглинистыми почвами соха здесь была бессильна. В Западном же Забайкалье с его более легкими почвами и освоенными участками для распашки в конце XIX в. чаще применялись более легкие орудия — сохи⁵¹.

Известный в литературе факт длительной приверженности старожилов Сибири своим сохам и сабанам, относительно медленного их вытеснения в конце XIX — начале XX вв. в ряде районов усовершенствованными фабричными плугами⁵² объясняется не только социальными условиями, в которые было поставлено крестьянское хозяйство (хотя они,

⁴⁶ МКМ, оп. 3, д. 120, л. 145.

⁴⁷ См.: Островский И. В. К изучению зернового хозяйства... С. 156—157.

⁴⁸ ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 23, л. 5.

⁴⁹ Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. Т. 1. Ч. 2. С. 36.

⁵⁰ См.: Материалы для изучения... 1889. Вып. 2. С. 52.

⁵¹ ЧОМ, ф. 9, оп. 1 д. 6, л. 75; Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 126—128.

⁵² См.: Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 252—253.

конечно, играли определяющую роль), но в значительной степени также агротехническими и экологическими достоинствами местных орудий. Легкие черноземные почвы кое-где не допускали их глубокой перепашки, сохи же и сабаны позволяли пахать мелко, углубляясь лишь по мере надобности. Местами они лучше плугов очищали поля от сорняков, были удобны для транспортировки в условиях гористого рельефа и разбросанности пашен⁵³. Конечно, плуг был более производительным орудием, он лучше переворачивал и разрыхлял почву, но крестьяне Сибири склонны были считать эти достоинства второстепенными. Обрабатывать землю для них означало главным образом «гоить» (чистить) ее от сорняков, и в этом деле своевременность операций они считали важнее механического совершенства орудий.

Многолетний опыт наблюдения природных процессов выработал у крестьян представление об оптимальных календарных сроках тех или иных полевых работ. Об этом уже говорилось выше. Вот еще примеры примет и поговорок, записанных в разных районах Сибири в 80—90-х гг. XIX в.: «Пришел Еремей, так и сей, не робей» (Каинский округ Томской губернии); «Если поля вспаханы и засеяны позже Егорьева дня, то не следует ожидать хорошего урожая» (Акмолинская область); «До Ильина дня в копне сена пуд меда, а после Ильина дня — пуд навозу» (Барнаульский округ Томской губернии) и т. д.⁵⁴ Многие календарные даты получили устойчивое название от тех хозяйственных операций, которые к ним обычно приурочивались: Еремей-запрягальник (1 мая по старому стилю, начало полевых работ во многих местностях Сибири), Арина-рассадица (5 мая, время высадки капустной рассады), Сидоры-огуречники (14 мая, высаживалась огуречная рассада), Калинники (15 августа и 1 сентября — время сбора калины в Кузнецком остроге Томской губернии; 1, 6 и 15 августа — в Ачинском округе Енисейской губернии)⁵⁵.

Однако работы были приурочены к дням календаря не слишком жестко. Начиная их, самые толковые из крестьян (иногда при этом вступая в конфликт с закрепленными общинным сознанием нормами) стремились учитывать различного рода приметы, индивидуальный и семейный опыт, реальное состояние погодных условий и т. д. Закрепляемые традицией сроки и приемы являлись для передовых крестьян скорее ориентиром, допускавшим в зависимости от конкретных, условий подвижки в ту или иную сторону. Перед севом, например, крестьянин Ишимского округа мог рассуждать так: «Если посеять рано, в неуспешную обсохнуть землю, то посев будет заглушён сорными травами;

⁵³ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 6; оп. 3, д. 120, л. 142; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1894. Т. 4. Вып. 4. С. 513; Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. С. 4.

⁵⁴ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 2; Материалы для изучения... Вып. С. 179; Восточное обозрение. 1882. 19 августа.

⁵⁵ См.: Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 205—210; Поникаровский Д. А. Сельские общества Салаирской волости (Кузнецкого округа) // Записки ЗСОРГО. 1188 Кн. 4. С. 12.

если же опоздать с посевом, то хлеб может погибнуть от заморозков». Поскольку все же главной причиной неурожаев здесь были ранние предосенние иней, обычно он стремился провести весеннюю вспашку и отсеяться пораньше⁵⁶.

Повсеместно время всех полевых работ в значительной степени зависело от того, какую культуру сеяли, от положения участка относительно рельефа местности, водоемов, типа почвы и т. д. В Ишимском округе сначала сеяли пшеницу и ярицу (хлеба, наиболее восприимчивые к ранним осенним заморозкам), затем овес, позже всего — ячмень. Более ранними были работы на «островных» и увальных пашнях, которые просыхали быстрее, затем — на степных участках с беличными почвами, в последнюю очередь — на низменных перегнойных почвах. При обычных условиях начало этих трех этапов сева пшеницы приурочивали к Егорьеву дню (23 апреля по старому стилю), Еремею (1 мая) и Николину дню (9 мая). В южных волостях считали необходимым отсеяться с пшеницей и ярицей к 15 мая, с овсом и ячменем — к 25 мая; в северных соответственно к 9 и 20 мая. Озимую рожь сеяли между 1 и 15 августа⁵⁷. Аналогичные принципы лежали в основе определения сроков этих и всех остальных полевых работ и в других районах Сибири.

Отмеченное выше несовершенство агрономических и экологических знаний крестьян накладывало свой отпечаток на приемы и сроки сельскохозяйственных работ, делая многие из них не вполне рациональными. В Южном Зауралье, например, крестьяне не боронили поле весной перед севом после осенней вспашки, ошибочно считая, что образовавшаяся корка сохраняет влагу в почве. Рациональнее же было бы ранним весенним боронованием спровоцировать рост сорняков, затем выполоть их и уже потом сеять. Крестьяне по традиции практиковали здесь ранний сев («пока земля влажная»). Местным же условиям более отвечал бы сев поздний, при котором посевы не успевали до летней засухи выпить всю влагу из почвы. Не практиковалась здесь сортировка семян, высевались семена не самого лучшего качества⁵⁸.

Противоречившие «нраву местности» приемы агротехники иногда были следствием малого срока их применения. Становившиеся при капитализме все более необходимыми в условиях менявшейся общественной и экологической ситуации хозяйственные эксперименты и инновации в хозяйстве не всегда и не сразу, давали положительные результаты. Известны, например, многочисленные случаи неудач, которые преследовали сибиряков во время несения на поля органических удобрений⁵⁹. Вывозка навоза на поля

⁵⁶ Материалы для изучения... Вып. 3. С. 172.

⁵⁷ Там же. С. 173.

⁵⁸ См.: Филоненко И. Е. Хлебопашец: (Документальная повесть.) М., 1984. С. 101—102.

⁵⁹ См.: Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки ЗСОРГО 1879. Кн. 1. С. 7—8; Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость... Т. 2. С. 226—227; Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу. С. 31—32; и др.

местами только начинала применяться, и неудачи чаще всего объяснялись тем, что на первых порах крестьяне неверно определяли нормы и сроки внесения удобрений, неразумно вписывали «унавоживание» в общий комплекс работ по подготовке участка к севу, не имели представления о необходимых требованиях к качеству навоза и т. д. По мере накопления знаний и опыта эти недостатки постепенно преодолевались.

Гораздо сильнее в негативном плане было воздействие устаревших традиций хозяйствования. Так, в Забайкалье конца XIX в. крестьяне так объясняли отсутствие удобрений на большинстве своих пашен: «Отцы наши не назьмили, не назьмим и мы»; «Назьмение у нас не заведено»⁶⁰. Нерациональность многих агрономических и агротехнических приемов объяснялась в сильной степени также ограниченными возможностями мелкого крестьянского хозяйства с его относительно примитивными орудиями труда, недостатком работников в хозяйстве, их низким культурным уровнем и т. д. Многочисленные данные указывают на то, что при определении сроков, порядка и интенсивности работ, при выборе места поселений, расположения пашни и других угодий соображения рациональней народной агрономии часто вынуждены были отступать на второй или третий план под давлением факторов социального характера: обеспеченности хозяйства деньгами, рабочими руками, рабочим скотом, хорошими семенами и др. На первый план все чаще выходила принадлежность крестьянского двора к тому или иному социальному слою, социальной группе в деревне. Так, в Мариинском округе Томской губернии в конце XIX в. применялось два рода сох-коляска и рогалюха. Более производительная, но тяжелая коляска использовалась «наиболее полномочными (богатыми. —I 3.)» крестьянами, имевшими достаточное количество тягловых лошадей⁶¹. Еще один пример. В Барабе статистика показывает высокую степень зависимости структуры хлебов от благосостояния различных категорий населения, занимавшегося хлебопашеством. Пшеница, требовавшая наиболее тщательной обработки или, хороших почв и потому — «соответствующего достатка от земледельца», занимала наибольшую долю посевов всех хлебов и посевную площадь в хозяйствах крестьян-старожилов (самой зажиточной из всех категорий крестьянства)⁶².

Сильно влияли на характер хозяйственной деятельности крестьян, часто искажая оптимальные с точки зрения народной экологии и агрономии действия, и такие социальные факторы, как: степень близости городов, приисков, транспортных путей; стойкость земледельческих продуктов на рынке; масштабы торговой и просветительской деятельности организаций и лиц, занимавшихся распространением улучшенных орудий труда, семян;

⁶⁰ Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 98.

⁶¹ Материалы для изучения... Вып. 19. С. 32.

⁶² Там же. Вып. 17. С. 176.

длительность развития земледельческого производства в данной местности, степень значимости его как источника существования для местных крестьян; плотность сельского населения и т. д. Известно, например, что наибольшие посевные площади, засеваемые овсом, в Сибири второй половины XIX в. находились вдоль линии Московско-Сибирского тракта из-за легкости и выгоды сбыта зерна и соломы овса в этих местностях⁶³. Конечно, овес и здесь охотнее выращивался крестьянами на участках с наиболее пригодными для этой культуры условиями: на низменных луговых полях, при возможности полива, но под него занимали и многие поля, которые при других экономических условиях отдали бы под иные культуры или оставили нетронутыми. Исследователи называли в качестве причин, обусловивших залежность некоторых полей в Забайкалье, наряду с природными условиями, также большую экономическую выгоду развития на этих участках сенокосения; сокращение цен на хлеб; отвлечение населения к более (прибыльным, чем земледелие, занятиям; хозяйственное ослабление части крестьянских дворов; длительные традиции ведения преимущественно животноводческого хозяйства⁶⁴.

Анализируя традиционный; агрономический опыт, накопленный крестьянством Сибири дооктябрьского периода, мы видим, что было бы неразумно брать на веру все его проявления и «свято держаться старины» в этом деле. В то же время безусловно вредными были для земледельческой практики попытки игнорировать народный опыт. Он включал в себя очень ценные даже с точки зрения современной агрономической науки и практики знания и навыки, которые после соответствующего осмысления находят сейчас все более широкое применение на обширных полях Сибири.

⁶³ См.: Катионов О. Н. Роль извозного промысла в земледелии притрактового населения Сибири во второй половине XIX в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири... С. 90—92.

⁶⁴ См.: Материалы комиссии Куломзина. Вып. 11. С. 75, 213.